

УДК 343.13:343.3/7

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**
С. С. Семченко

**ACTUAL PROBLEMS OF CRIMINAL PROCEDURE FOR THE CRIMES IN BUSINESS
AND OTHER ECONOMIC CRIMES**
S. S. Semchenko

Данная статья посвящена проблемам развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства в области производства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности в контексте проводимой российским законодательством реформы в период с 2003 года по настоящее время, исходя из сложившейся тенденции к либерализации и гуманизации уголовного и уголовно-процессуального закона в отношении отдельных категорий лиц, в частности, предпринимателей и иных лиц, занимающихся экономической деятельностью. В данном исследовании показаны наиболее значимые шаги, осуществленные в указанном направлении через реформирование УК и УПК РФ, а также наиболее острые проблемы, возникающие в правоприменительной практике по данной категории уголовных дел, исходя из сложившейся государственной политики в области уголовно-правового регулирования и существующей экономической ситуации в стране.

The paper deals with problems of criminal law and criminal procedure for the crimes in the sphere of economic and business activity in the context of the reform by Russian legislators from 2003 to the present time, based on the current trend towards liberalization and humanization of Criminal law and Criminal procedure Acts, in respect of certain categories of people, in particular, businessmen and other people engaged in economic activities. This study shows the most significant steps taken in this direction by reforming the Criminal Code and the Code of Criminal Procedure, as well as the most actual problems in law enforcement in this category of criminal cases on the basis of the current state policy in the field of criminal law regulation and the current economic situation in the country.

Ключевые слова: экономические преступления, предпринимательская деятельность, дифференциация, либерализация, гуманизация, Следственный комитет РФ, Следственный департамент МВД РФ, уголовное судопроизводство, реформа.

Keywords: economic crimes, business activity, differentiation, liberalization, humanization, Investigative Committee of Russian Federation, Department of investigation of the Ministry of the Interior of Russian Federation, criminal procedure, reform.

В период последних десяти лет ключевые нормативно-правовые акты, регулирующие порядок привлечения к уголовной ответственности лиц в категории экономических преступлений, подверглись достаточно серьезному, но вместе с тем неоднозначному реформированию со стороны законодателя, причем стоит отметить, что осуществленные в период последних трех лет (с 2009 по 2012 год) изменения более значительны, чем те, которые произошли в данной сфере в период с 2003 по 2009 год, что говорит об очень пристальном, предметном интересе государства к вопросам уголовно-правового регулирования деятельности предпринимателей.

Как вытекает из сущности принятых изменений, законодатель не избрал для них общей хронологической или иной логики принятия в определенной последовательности, поэтому видится более правильным просто изложить сущность законодательных нововведений исходя из того, в каком порядке они вводились в нормативные акты.

Как верно отмечает П. Г. Сычев, с принятием УПК РФ в 2002 году первым серьезным изменением в области регулирования процессуального положения лиц по уголовным делам в сфере экономики явилось *принятие Федерального закона от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ, ч. 1 ст. 144 УПК РФ, которого была дополнена* следующим предложением: «При проверке

сообщения о преступлении орган дознания, дознаватель, следователь и прокурор вправе требовать производства документальных проверок, ревизий и привлечь к их участию специалистов». Часть 3 той же статьи, регламентирующая срок проведения проверки, была дополнена словами: «а при необходимости проведения документальных проверок или ревизий прокурор вправе по ходатайству следователя или дознавателя продлить этот срок до 30 суток». Позитивный характер данного нововведения состоял в том, что для органов дознания, проводящих проверки по сообщениям о преступлениях в сфере экономической деятельности, учитывая особую сложность и длительность расследования данных преступлений (к примеру, по преступлениям, предусмотренным статьями 173.1 и 173.2 УК РФ) ранее было невозможно уложиться в стандартные сроки дознания. Поэтому, увеличив сроки проверки сообщения о преступлении, к тому же и законодательно закрепив возможность проведения проверок и ревизий в таком случае, законодатель признал важнейшую особенность производства по уголовным делам в сфере экономических преступлений – его длительность и объемность.

Подтверждая тезис о том, что реформирование уголовного порядка в отношении лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, стало в 2009 – 2012 годах одним из ключевых векторов развития

отечественного законодательства, необходимо отметить, что в этот период произошло несколько значительных изменений, затронувших нормы УПК и УК РФ. Несмотря на то, что целью данной работы изначально являлось прежде всего фокусирование на изменениях процессуального закона дальнейший ход исследования привел к выводу о том, что в данном случае изучение проблем применения новелл процессуального Кодекса невозможно без отсылки к изменениям, введенными законодателем в соответствующие главы УК РФ.

Первым в ряду указанных изменений был **Федеральный закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», касавшийся исключительно налоговых преступлений.**

В УПК РФ была внесена ст. 28.1, предусматривающая прекращение уголовного преследования по налоговому преступлению при условии возмещения ущерба (недоимки, пени и штрафов), причиненного бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления.

Тем же законом *ст. 108 УПК РФ дополнена частью 1.1, которая предусмотрела особый порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу для лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159, 160, 165 УК РФ*, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности и преступлений, предусмотренных большей частью статей 171 – 199.2 УК РФ (исначально редакция статьи 108 УПК РФ вводила данный порядок только в отношении лиц, совершивших налоговые преступления, однако в дальнейшем в редакциях федерального закона такой порядок был внедрен по отношению к большинству экономических преступлений). Данная норма гласила, что заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении указанных лиц, за исключением случаев, когда они не имеют постоянного места жительства на территории Российской Федерации, их личность не установлена, ими нарушена ранее избранная мера пресечения или они скрылись от органов предварительного расследования или от суда. Здесь можно говорить о том, что налицо проявилась тенденция законодателя к обособлению процессуального положения предпринимателей как субъектов уголовного процесса, которую можно связать с заявленным государством курсом на общую либерализацию и гуманизацию уголовного законодательства.

7 апреля 2010 г. был принят Федеральный закон № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты», который позиционируется отдельными законодателями-юристами как ознаменовавший коренной поворот государственной политики в сторону либерализации уголовного законодательства об экономических преступлениях. Путем повышения пороговых значений сумм незаконно полученного дохода, причиненного ущерба или иных аналогичных параметров значительный объем преступлений в сфере экономической деятельности декриминализован. Этим же законом из уголовного кодекса была изъята

статья 173 «лжепредпринимательство», которое определялось законодателем как «создание коммерческой организации без намерения осуществлять предпринимательскую или банковскую деятельность, имеющее целью получение кредитов, освобождение от налогов, извлечение иной имущественной выгоды или прикрытие запрещенной деятельности, причинившее крупный ущерб гражданам, организациям или государству». Безусловно, исключение данного состава из Уголовного кодекса можно считать успехом законодателя, ведь исходя из диспозиции статьи 173, такое деяние можно квалифицировать как по статье 159 УК РФ, так и по статье 198 и 199 и другим статьям закона, к тому же довольно пространная формулировка нормы о лжепредпринимательстве порождало фактические сложности с его квалификацией, и правоприменитель достаточно неохотно использовал данное положение УК.

Последними изменениями, затронувшими проблему производства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности, являются два федеральных закона.

Первым из них, Законом от 6 декабря 2011 года № 407-ФЗ, введен особый и исключительный повод возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении, который отражен в ч. 1.1 статьи 140 УПК РФ, согласно которой по налоговым преступлениям (ст. 198 – 199.2) поводом для возбуждения уголовного дела по таким преступлениям служат только те материалы налоговых проверок, которые направлены налоговыми органами для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Данная норма фактически ограничила возможность следственных органов по возбуждению таких дел по собственной инициативе, поставив ее в зависимость от действий налоговых инспекций. Стоит отметить введение этим же законом в ч. 7 статьи 241 УПК РФ в целом носящего технический характер, но немаловажного дополнения о том, что в случае рассмотрения уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности могут оглашаться только вводная или резолютивная часть приговора. Многие уголовные дела такого свойства, дойдя до суда, насчитывают сорок, пятьдесят, семьдесят, а иногда и более томов, что при оглашении приговора создает большие сложности для судьи, который может зачитывать его более одной недели или даже больше, что естественно, косвенно затрагивает принцип процессуальной экономии уголовного судопроизводства и соблюдения процессуальных сроков.

Наконец, самое свежее нововведение законодателя – это **Федеральный Закон от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», согласно которому в УК РФ появилась ст. 76.1**, в соответствии с которой от уголовной ответственности за преступление в сфере экономической деятельности освобождается лицо, *впервые* совершившее такое преступление, если это лицо *возместило ущерб*, причиненный в результате совершения преступления гражданину, организации или государству, и перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение в *размере пятикратной суммы* причиненного ущерба

либо перечислило в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере пятикратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления. Хорошая норма (не правда ли?), отлично вписывающаяся в логику государственной политики по гуманизации и либерализации уголовно-правового режима в отношении отдельных категорий лиц, в частности тех, кто занимается бизнесом. *Этим же законом видоизменен порядок прекращения уголовно-го преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, закрепленный еще в 2009 году в статье 28.1 УПК РФ*, изначально распространявшийся только на совершенные налоговые преступления. Законом от 7 декабря 2011 года эта статья была во многом усовершенствована, в частности, из нее следует, что суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознавателя с согласия прокурора, *прекращает уголовное преследование* в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении налогового преступления, в случае, если до назначения судебного заседания ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, возмещен в полном объеме, при условии (ч. 1. статьи 76.1 УК РФ), что данное преступление совершено впервые. Под полным возмещением в части 2 новой редакции статьи 28.1 понимается уплата в полном объеме:

1) *недоимок, в размере, установленном налоговым органом в решении о привлечении к ответственности;*

2) *всех соответствующих пеней;*

3) *штрафов, определяемых НК РФ* – данная норма работает для статей 198 – 199.1 УК РФ.

Необходимо отметить, что данная норма статьи 28.1 УПК РФ в целом логично сочетается по смыслу с уже обсуждавшимися изменениями статьи 140 Уголовно-процессуального кодекса, где говорится о том, что по этим категориям преступлений возбуждение уголовного дела производится исключительно по материалам, представленным налоговым органом.

Все обозначенные выше новеллы уголовного и уголовно-процессуального закона, на первый взгляд, подтверждают тезис о том, что начатая реформа УК и УПК РФ принесла в законодательство весьма революционные изменения, коснувшиеся стоящей остро проблемы современного правового статуса предпринимателей в Российской Федерации и отражающие центральную задачу новой уголовной политики – либерализацию ответственности экономических преступников, принятую в качестве своеобразного тренда российским государством в последнее десятилетие. Думается, что многие представители бизнеса восприняли все произошедшие изменения с большим воодушевлением, полагая, что снизится необоснованное государственное давление на бизнес, сведутся к минимуму риски предпринимательской деятельности, уменьшится правовое поле для развития коррупции и в целом «жить станет лучше». Однако на деле механизмы правоприменения этих законодательных нововведений еще очень далеки от идеала, многие из них в настоящее время так и не смогли решить основных

задач, которые перед ними ставились. Поясним на примерах.

Ранее описанная нами ч. 1.1 статьи 108 УПК содержит нововведение, что мера пресечения в виде заключения под стражу не применяется к лицам, подозреваемым или обвиняемым в совершении определенных видов экономических преступлений, если не имеется оснований, предусмотренных пунктами 1 – 4 части 1 этой же статьи. Суть заключения под стражу как меры пресечения состоит в том, чтобы предупредить совершение таких действий как скрытие лица от дознания, следствия и суда, наличие возможности продолжить заниматься преступной деятельностью, уничтожение доказательств по делу, воспрепятствование иными способами компетентным органам в производстве по делу. И здесь стоит отметить, что исходя из реальных фактических жизненных реалий нет никаких оснований полагать, что экономические преступники, в отличие от остальных, прекратят свою деятельность после возбуждения против них уголовного дела, не скроются от правоохранительных органов (ведь их финансово-ресурсная база подчас оказывается гораздо выше, чем у лиц, совершающих другие, к примеру, насильственные преступления), не станут подкупать участников уголовного судопроизводства, уничтожать бухгалтерскую отчетность и иные возможные доказательства их причастности к данному преступлению. Поэтому весьма реальным видится тот эффект, что при таких предпосылках, запрет на заключение под стражу означает для экономических преступников разрешение осуществить все, от чего ограждает их мера пресечения.

Однако, думается, что основной задачей уголовной политики в сфере экономики должно являться обеспечение устойчивого, стабильного и безопасного потребительского рынка, где, исходя из опыта экономически развитых стран, приоритет должен отдаваться именно фигуре потребителя, а точнее, его статусу двигателя рыночных отношений, который требует его защиты от разных форм злоупотребления и обмана как со стороны государства, так и со стороны предпринимателя. Одновременно с этим не ставится под сомнение соответствующая либерализация уголовного и уголовно-процессуального порядка, а даже наоборот, подчеркивается ее целесообразность. Но такая либерализация не должна быть односторонней и распространяться исключительно на группу предпринимателей и бизнесменов, которых в нашей стране гораздо меньше, чем рядовых потребителей. Поэтому заключение под стражу, как справедливо отмечает Л. В. Головкин, «социально неопасного потребителя экономически еще менее целесообразно, чем эта же мера пресечения в отношении предпринимателя, поскольку первый, по сути, есть инвестор второго» [3]. Вопрос о наличии общественной опасности лица и применимой к нему соразмерно его деянию соответствующей меры пресечения, требующей изоляции от общества, и иных уголовных и уголовно-процессуальных мер не должен зависеть от его социального имущественного или предпринимательского статуса. В данном случае недопустимо деление данных категорий лиц на «предпринимателей» и не предпринимателей.

Обратимся к проблеме с другой стороны. Безусловно, *законодатель, внося изменения, касаемые производства по уголовным делам в сфере экономических преступлений, опираясь также и на сложившуюся практику возбуждения и расследования данной категории дел следственными органами*, в частности на деятельность следственных органов МВД и Следственного комитета России, на долю которых приходится абсолютное большинство расследуемых преступлений в экономической сфере. Специфика расследования по таким делам отличается от общеуголовных преступлений. По сравнению с расследованием преступлений общеуголовной направленности расследования преступлений в сфере экономической и предпринимательской деятельности обычно более продолжительны: сроки работы в подавляющем большинстве случаев превышают шесть месяцев. Бывает, что расследование тянется годами, причем без особых надежд на его окончание. Объемы материалов «экономических» дел огромны – это десятки, а то и сотни томов, Уголовное дело такого типа, оконченное в срок до двух месяцев и направленное в суд, – редкость. С этой точки зрения одна из первых новелл нового уголовно-процессуального закона – введение в 2003 года более длительных сроков по проверке следственными органами сообщения об экономическом преступлении с возможностью проведения финансовых проверок и ревизий видится очень логичной, и, видимо, принималась с целью отчасти снизить общий срок расследования дела уже после его возбуждения. Однако, обращаясь к содержанию статьи 28.1 УПК РФ в новой редакции, которая содержит новое основание прекращения уголовного преследования в отношении предпринимателей, *по части 2 данной статьи в 2012 году не прекращено ни одного дела, а по части 1 статьи 28.1 прекращено порядка (!) 10 дел (по делам о налоговых преступлениях)*.

Как отмечает Л. В. Головкин, с принятием данных изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный Кодекс «возник подлинный кризис уголовно-правового регулирования в экономической сфере, обусловленный одновременным давлением как снизу (реальные социальные проблемы), так и сверху (неверные концептуальные решения нынешней политической власти)». По его мнению, теоретическая несостоятельность реформ привела не только к политико-экономическим ошибкам, но и к невозможности реализовать их на техническом уровне. На деле действительно часто происходит так, что суды, столкнувшись с новыми изменениями, «проявляют неожиданную независимость», продолжая принимать решения о заключении под стражу, вопреки «президентским поправкам» статьи 108 УПК РФ, усматривая в составах не мошенничество в сфере предпринимательства, а обычное мошенничество по ч. 1 ст. 159 УК РФ (конструкция fraud – основанное на классическом обмане и злоупотреблении доверием).

В связи с этим возникает и еще одна проблема – вопрос об установлении правоприменительных критериев того, кто является предпринимателем, и что такое предпринимательская деятельность. Классический предметный критерий (конкретный состав преступления), по мнению Л. В. Головкина, здесь

явно не подходит, так как статья о мошенничестве, к примеру, и другие статьи Уголовного кодекса не исключают применения заключения под стражу в целом, а лишь ограничивают его использование в сфере предпринимательства. Поэтому некоторые уголовно-правовые деяния, хотя по смыслу закона не являются совершенными в сфере предпринимательской деятельности (к примеру, присвоение большого объема денежных средств одним из работников компании), но способны оказать огромное влияние на ее экономическую деятельность. Целевой критерий для персонализации категорий «предпринимателя» и «предпринимательской деятельности», содержащийся в статье 2 ГК РФ («деятельность, направленная на систематическое получение прибыли»), также вряд ли подходит для решения этой задачи, т. к. в таком случае законодатель считает мошенничество, совершенное в сфере предпринимательства, если оно направлено на систематическое получение прибыли (иными словами, пользуясь уголовно-правовой терминологией, совершено в виде «промысла»). Нужно справедливо заметить, что чаще всего такое мошенничество в виде промысла часто совершается профессиональными уличными мошенниками и считается опаснее, чем разовое мошенничество. Другая сторона медали в том, что непонятно как, в случае применения данного критерия быть с самым опасным видом мошенничества – совершенного организованной группой (ч. 4 ст. 159 УК РФ), учитывая, что организованная группа, по сути, всегда занимается преступной деятельностью с целью «систематического получения прибыли». И естественно, мы должны понимать, что такие организованные группы отнюдь не всегда мошенничают в сфере предпринимательства, а чаще даже наоборот. Поэтому из смысла уже обсуждаемой нами ч. 1.1 ст. 108 УПК создается *ситуация, когда законодатель исходит из запрета заключения под стражу в тех случаях, когда допускает максимально жесткие наказания (до 10 лет лишения свободы за мошенничество по ч. 4 ст. 159), но одновременно не допускает никаких альтернатив, кроме заключения под стражу при простом мошенничестве, наказуемом всего 2 годами лишения свободы.* Это еще один краеугольный камень проведенных реформ.

С точки зрения влияния данных норм на изменение состояния и уровня экономической преступности в России стоит отметить, что непоследовательная и вместе с тем не всегда целесообразная логика реформирования уголовного порядка в отношении предпринимателей может в перспективе привести к серьезным изменениям в сложившейся ситуации. *Вопервых, вполне возможно, что произойдет расширение рядов лиц, совершающих преступления в экономической сфере,* за счет тех бизнесменов, которые не выдержали конкуренции со своими нечестными на руку конкурентами, и чтобы не уйти с рынка, переняли их методы ведения бизнеса. Такой эффект вполне возможен в условиях ослабления ответственности по экономическим преступлениям в купе с фактически имеющимся делением бизнеса на «грязный» и «чистый», которое сложилось исходя из объективных политических и экономических явлений в последние два десятилетия российской истории. Предприниматели,

особенно представители малого и среднего бизнеса, просто вынуждены в условиях возможного усиления криминализации бизнеса для «сохранения на плаву» прибегать к любым методам его ведения, особенно когда их конкуренты давно встали на этот путь и уже научились извлекать из этого явную пользу. В данном случае законодатель, возможно сам того не желая, создает почву для такой тенденции.

Во-вторых, возможное повышение криминализации отечественной экономике и увеличение количества экономических преступников подрывает, собственно, саму экономическую основу жизни в нашем государстве. Абстрактно предположим, что экономические преступники не заинтересованы в долгосрочном инвестировании и получении прибыли в течение длительного периода времени. Они нуждаются в деньгах «здесь и сейчас». Поэтому, вполне четко осознавая общественную опасность своей деятельности, что в будущем, политический курс и уголовная политика в их отношении могут, наоборот, быть ужесточены, они не ставят себя в зависимость от долгосрочных проектов и уж точно не стремятся к модернизации и развитию своего бизнеса в долгосрочном периоде, не вкладывают деньги в обновление основных фондов предприятий, которые в нашей стране катастрофически изношены, такие «грязные» предприниматели избирают путь извлечения наибольшей прибыли в наикратчайшие сроки, используя любые средства и четко зная, что со стороны государства в их отношении в данное время избран весьма «льготный порядок» привлечения к ответственности. Безусловно, целью предпринимательской деятельности для каждого конкретного человека является как раз и извлечение максимальной экономической выгоды, однако в правовом государстве с развитыми традициями

законности бизнес обязан считаться с нормами права, которыми государство его и регулирует.

Подводя итог всему вышесказанному, нужно отметить следующее: несмотря на то, что логика законодателя имела место создать для предпринимателей режим наибольшего благоприятствования и представить их не только не опасными, но и полезными для общества, возможно, отчасти и имеет право на жизнь, однако абсолютно оторвана от фактического осуществления на практике ввиду непоследовательности проводимых реформ, и стремления законодателя решить концептуальные экономические и социальные проблемы в стране, в которой почти 18 миллионов человек живут за чертой бедности не социальными и экономическими мерами, а юридическим регулированием. Поэтому тезис о том, что, сталкиваясь на примере конкретных уголовных дел с ошибками правоприменения, правовой неграмотностью, искажением смысла уголовно-правовых запретов и т. д., реформаторы пытаются решить такие проблемы нормативными средствами путем «совершенствования закона», свидетельствует о том, что такое решение не является верным применительно к сфере общественных отношений между государством, потребителями и предпринимателями, проблемы которой должны решаться только после четкого понимания и уяснения всеми заинтересованными лицами того, какую цель они преследуют в данном случае.

В связи с этим кажется очевидным, что вопрос о дальнейшем изменении статуса предпринимателей как специальных участников уголовного судопроизводства, проблемы дифференциации производства в их отношении и создания особого судебного порядка, которые уже активно обсуждаются многими представителями как государственной власти, так и правовой науки еще долго не перейдут в разряд решенных.

Литература

1. Скобликов, П. А. Основания и последствия ослабления ответственности за экономические преступления в современной России / П. А. Скобликов // Закон. – 2011. – № 9.
2. Сычев, П. Г. Предпосылки дифференциации порядка судопроизводства по уголовным делам в сфере экономической и предпринимательской деятельности / П. Г. Сычев // Законодательство. – 2013. – № 1.
3. Головкин, Л. В. Концептуальные основы уголовной политики в сфере экономики / Л. В. Головкин // Закон. – 2011. – № 9.
4. Федотов, А. Г. Применение институтов гражданского права в иных отраслях права / А. Г. Федотов // Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике. – М., 2009.
5. Куликов, В. Бизнесменам обещают волю. Известные правоведы предлагают разгрузить тюрьмы / В. Куликов // Российская газета. – Федеральный выпуск № 5403 от 10 февраля 2011 г.
6. В России растет экономическое неравенство // Российская газета, Интернет-версия, выпуск от 17 декабря 2012 г. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/12/17/bednost-site.html>
7. Проблему арестов бизнесменов в кремле взяли под контроль // РБКDaily, 2010. – Режим доступа: <http://www.audit-it.ru/news/finance/236604.html>
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 04.03.2013) // Консультант Плюс. – 2013.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 04.04.2013) // Консультант Плюс. – 2013.
10. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 11.02.2013 г., с изменениями и дополнениями, вступающими в силу с 01.03.2013 г.) // Консультант Плюс. – 2013.
11. Федеральный закон Российской Федерации от 6 декабря 2011 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – Федеральный выпуск № 5654, 2011.

Информация об авторе:

Семченко Сергей Сергеевич – студент юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 8 926 908 70 13, sergsemchenko@yandex.ru.

Sergey S. Semchenko – student at the Department of Law, Moscow State Lomonosov University.

Научный руководитель:

Арутюнян Анна Аветиковна – кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета Московского государственного университета.

Anna A. Arutiunian – research advisor, Candidate of Law, Lecturer at the Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutorial Supervision, Moscow State University.